На юге и севере, на западе и востоке проживало бесчисленное количество народностей. Повсюду царила смута из-за нетерпимости людей друг к другу, но одному достопочтенному такое положение дел было не по душе. Как чиновник, контролирующий уже большую часть Поднебесной, он понимал, что так больше продолжаться не может, и вызвался прекратить войны. Народу понравилось его стремление и были близки его взгляды. Их восхитило, как будущий правитель гармонично находил применение способностям людей в соответствии с их качествами и талантами. Судьба наградила его мудростью и благосклонностью. «Только объединение приведет нас к всеобщему господству. Мы научимся терпимости, а первобытную жажду направим на развитие экономики и искусства и защиту от чужеземцев». Так наступила эпоха мира и процветания. Все небожители благоволили такому правителю, целые семьи со всех сторон света шли в столицу, чтобы посодействовать всеобщему процветанию.

При дворце его величества служило множество чиновников: кто с севера, кто с юга. Наблюдая лично, к каким высотам этот достопочтенный привел их, они перестали думать о ненависти и распрях. Живущих в достатке и образованных становилось больше с каждым годом, территории расширялись. Но случилась беда — Сын Неба [1] ослаб здоровьем. Стоило этой новости получить большую огласку, как власть в его руках треснула, словно глиняное блюдце от сильного жара. Появились мятежники, каждый из которых видел себя новым правителем. Пришли чужеземцы, которые не признавали его императорское величество и никогда не хотели иметь с ним дел. Поднебесную снова охватила смута.

[1] Сын Неба — один из титулов правителей, император.

За годы кровопролитной войны народы вновь поделились: вначале на десять правящих кланов, потом их стало шесть, еще позже — четыре. На последней отметке мир среди противоборствующих сторон, казалось бы, возобновился. Клан У правил северной частью Поднебесной, семейство Ба контролировало южную, Чжао — западную, а Луань — восточную. Некоторые главы кланов тревожились, что появятся новые жертвы, как только они окрестят территории своих владений независимым государством. Поэтому славных названий своим землям и девизов [2] правления не давали. Другие надеялись на восстановление единства и прежнюю жизнь, вспоминая эпоху процветания при павшем императоре. Поэтому территории, так и не провозглашенные государствами, стали именовать согласно сторонам света: Север, Юг, Запад и Восток.

[2] Девиз правления — символическое выражение, обозначающее период правления государя или императора.

С течением времени семьи достопочтенных Ба и Чжао что-то рассорило. Никто доподлинно не знает, с чего начался их конфликт, и по итогу земли Юга и Запада были объединены, а во главе нового образования встал клан Ба. В Поднебесной осталось только три сильнейших народа.

Однако войны утихли, а опасность для людей осталась. Демоны. Смерти и вражда породили множество темных существ, помимо тех, что уже имелись. Из-за бурлящей скверной энергии среди окропленных кровью земель грань между миром демонов и миром людей совсем истончилась, а нечистая сила стала все чаще врываться в Поднебесную. Только мудрейшие из живущих среди облаков и мягких лучей солнца бессмертных были в силах дать им отпор.

Сколько лет Поднебесной, столько и небесному чертогу. Расположившись в пантеоне, стоящем на невидимых для смертного глаза столбах, боги без продыху ведут свои дела: оберегают людей и отзываются на их молитвы. Взамен смертные возводят в их честь множество храмов, кумирен и алтарей, зажигают благовония и делают подношения, тем самым прославляя и укрепляя могущество своих покровителей.

Небожители прикладывают массу усилий, чтобы сдержать демонов, и тем не менее нечисти среди людей с каждым годом становится только больше. Первобытные повадки темных существ, как у диких голодных зверей, сменились холодным и расчетливым умом. Теперь обманутые люди сами идут в лапы злых духов, а восседающие наверху печалятся: как им спасти смертных, если те сами решили прыгнуть в клыкастую пасть? Забот у богов стало в разы больше.

Стараясь вернуть все на свои места, покровители мира смертных погрузились в постоянную борьбу, и это только сильнее разозлило противоборствующую сторону. Тигр возжелал допрыгнуть до верхов, в которых прячется дракон. Демоны нашли способ ударить по гордости небожителей самым низменным способом: люди стали называть нечестивцев темными богами, чем закрепили и их могущество в Поднебесной. Отныне благовония могут гореть, а подношения делаться не только для живущих среди облаков и лучей солнца.

Соблазнившись возможностью получить лучшую жизнь, люди заключали разного рода сделки с нечестивцами, тем самым усилив одну из сторон в и так непростой схватке света и тьмы. Люди не смыслили, как злостно будут обмануты, поскольку после темные боги назначили цену за свою помощь, которую ни один смертный не в силах был заплатить. Их многочисленные души канули в небытие. И те, кто связывался с демонами, сами лишали себя шанса на перерождение — новую жизнь после смерти.

Охваченные страхом содеянного, все они, как дети после проступка, пришли к бессмертным праотцам и взмолились. Каждая молитва, дошедшая до небесного чертога, желает быть услышанной, но теперь просьб смертных стало в разы больше, чем тех, кто их может исполнить. Да еще и люди усложнили службу верховным благодетелям, молясь обо всем подряд: от спасения собственной жизни до дарования крепкого сна своему скоту. Подобное происходит уже не в первый раз, оттого в их мире рождаются новые боги, избранные Небесами, которые должны преодолеть тернистый путь к вознесению: только выказав должное уважение к небесным покровителям благочестивыми поступками и сделав из своего тела крепкий сосуд для бессмертной жизни, они смогут вознестись. Так, в эти нелегкие времена разлада между народами знак о том, что появится новый будущий бог, прогремел целых девять раз.

Одним из девяти избранников стал мальчик с глазами черными, как вулканическая сажа, и волосами серыми, как пепел. Рожденный наследником в клане, что контролирует Север, он также стал предзнаменованием величия правящего здесь господина. Среди гор и рек, раскинувшихся на тысячи ли [3], северный народ праздновал целый месяц это счастливое событие. Стабильность и процветание не покидают их земли, ремесло по металлу и земледелие вызывают восхищение среди жителей соседствующих территорий, и все это благодаря достопочтенному главе клана — отцу новоиспеченного будущего бога.

[3] Ли — единица измерения, равная 500 м.

Пороги в поместье семейства У стерлись от частых гостей. Чиновники, ученые мужи, монахи и даже тайновидцы — каждый желал взглянуть на младенца и предсказать, как именно он сможет послужить своему народу. Вместо игрушек в неокрепшие ручки младенца пытались подсунуть рукоять меча [4], таким образом показывая, что он может стать великим богом войны; метелку из конского волоса — символ нравственности и морали будущего бога благополучия; кисть из бамбука и мягкой шерсти, деньги и карту северных земель Поднебесной. Но ничего из этого не вызывало у наследника особого интереса. То ли испугавшись нахлынувшей толпы, то ли противясь упорству прилипал, он лишь плакал.

[4] Старая традиция, подсказывающая взрослым то, в чем ребенок преуспеет. В рамках этого обычая малышу в первый год рождения предлагают выбрать одну из вещей, каждая из которых представляет разные профессии и сферы жизни.

Непокладистый характер начал проявляться уже с первых дней его появления на свет. Люди сочли, что так благодетель выказывает свое рвение. Родные же терялись в догадках, чего ребенку не хватает. Поэтому отец семейства, поразмыслив, дал имя своему наследнику уже на второй день. Постоянный плач сына напоминал главе вой горного волка, а созвездие-хранитель Гоу, под которым тот родился, благоволило дать ребенку созвучное имя. Поэтому отец выбрал имя Чан, имеющее еще одно значение в северном диалекте — «волчонок».

Наследник быстро оправдал данное ему имя. Только встав на ноги, он принялся всем досаждать, бегая по имению клана в компании местных волков. Никто не мог повлиять на сорванца, даже родная мать, а народ лишь охал.

Местные слуги и завистливые люди стали болтать между собой о наследнике, когда тот подрос. Кто-то считал его сверхизбалованным матерью, что в одиночку пыталась воспитать отбившегося от рук «волчонка», пока отец семейства и по совместительству глава клана путешествовал по своим владениям, помогая народу. Кто-то говорил, что мать-то и не любила сына, который был лишь предлогом женить на себе главу клана. В прошлом она была дочерью богатого землевладельца, но его власть и богатство рассеялись по ветру с окончанием войн. И все ее приближенные действительно отмечали, что женщина не уделяет сыну должного внимания. Вдобавок, слишком рано госпожа начала требовать от ребенка ответственности и благоразумия, когда тот всего лишь нуждался в материнской любви и ласке.

Женщина эта была горда и своенравна. Помимо того, что никому в близком кругу не позволялось вспоминать о ее бренном прошлом, она также была не в силах стерпеть проявления неуважения. Так однажды случился поучительный для всех инцидент. Во время шумного народного гулянья в Праздник весны [5] улыбчивая госпожа схватила в руки хлыст из местной конюшни, и стены поместья наполнились криками невежественных слуг. Простое приспособление для управления лошадьми стало коварным оружием в руках обиженной дамы. Госпожа У с остервенением порола грубиянов по спинам, разрубая их кожу тонким кончиком прута и заставляя слезно молить о прощении. Оттого ее начали бояться все при дворе семейства и даже перестали смотреть ей вслед.

[5] Праздник весны, который также известен как Новый год, отмечается на второе новолуние после зимнего солнцестояния.

Возлагая на себя с каждым днем новые обязанности по управлению кланом на время отсутствия главы, женщина еще больше отдалялась от сына. А он то и дело нарушал ее спокойствие новыми выходками. Местные постоянно жаловались: то один из богатых господ придет плакаться, что наследник клана со сворой своих домашних псов терроризировал его домочадцев и нанес непоправимый вред, испортив прекрасную старую яблоню, то местная дама пожалует с вестями о треснувшей крыше павильона, по которой бегал малец, то родители одной из семей расскажут, как их дети стали жертвой нападок шкодника… И от всех этих новостей голова бедной госпожи болела круглыми сутками. Ситуация требовала решительных мер: ребенок нуждался в воспитании и наставнике, что будет приглядывать за будущим небожителем.

Так в один из холодных осенних дней в поместье клана У явился мужчина, отозвавшийся на просьбу госпожи. Все на горе Хэншань [6] и в городе у ее подножья несказанно обрадовались этому господину. Наконец-то к ним вернется покой, а маленький «волчонок» возьмется за ум!

Однако, увидев учителя наследника, местные жители засомневались: разве может такой молодой и миловидный мужчина воспитать из пятилетнего сорванца воина и благочестивого бога? Вдобавок ни о подвигах прибывшего с Юга, ни о его мастерстве никто не слышал, из-за чего в сердцах людей зародилось опасение: назвавший себя Го Бохай — проходимец, который обманом убедил госпожу в своих способностях.

[6] Хэншань [□□] — гора Равновесия (одна из пяти священных гор даосизма).

На вид будущий наставник был слаб и хрупок: его тонкое телосложение, нежные черты лица и руки, будто бы никогда не державшие оружия, говорили, что он больше походил на духовного воспитателя, чтеца высокой литературы, нежели на того, кто может усмирить пылкий характер ребенка. Однако взмахом меча этот человек поражал ветер и сердца людей [7]. Все с огромным интересом следили за ним, ожидая его наставнического провала. А господам из знатных домов это показалось занятным: никто не верил в господина Го и его способности, каждый считал, что мужчина вот-вот сойдет с горы с полным разочарованием в мальчике. Но из года в год наследник делал все новые успехи.

[7] Отсылка к китайской идиоме «взмахом топора поражать ветер», которая подчеркивает выдающиеся способности или умения человека мастерски делать что-либо.

Госпожа У словно точно знала, кого выбрала на роль наставника. Го Бохай начал оправдывать ее ожидания в первые же дни пребывания в поместье. При всем своем незначительном виде он сразу же нашел подход к мальчику — через игры, что так забавляли ребенка, — и признание вожака волчьей стаи, который опекал «волчонка» с самого его рождения.

Даже первая встреча У Чана и Го Бохая указывала на будущий успех. Тогда, только узнав о прибытии наставника, юнец, сопровождаемый слугами, ворвался в приемный зал южного крыла поместья. Он так спешил утолить свой детский интерес, что серебряные волосы растрепались, а грудь вздымалась от сбившегося дыхания. Несколько слуг кинулись привести мальчика в приличный вид под грозным взором госпожи. Господин Го уже поднялся, чтобы поприветствовать наследника, как все услышали:

— Мастер?

Окружение охнуло от неожиданности. Все присутствующие, даже мать, предвидели категоричный отказ со стороны У Чана. Ведь всё, что бы ему ни предлагалось, он тут же отвергал. Го Бохай с улыбкой ответил, заведя руки за спину [8]:

— Наставник.

[8] Поза с заведенными за спину руками является жестом уважения к собеседнику.

В зале воцарилось гнетущее молчание. Множество взоров были направлены на нахмурившегося наследника:

— Учитель?!

Никто из наблюдавших не понимал, что происходит. Но зато резко почувствовали спиной холод из-за осознания: от ответа мужчины зависит будущее настроение наследника. Если ответ ему не понравится, то будет сложно заставить мальчика уважать этого господина. Го Бохай склонил голову набок, словно признавая поражение, и мягко протянул:

— Учитель.

Будучи добрым и внимательным, Го Бохай добился желаемого. И всего через тридцать лун после его прибытия забот у госпожи поубавилось.

***

— Зачитай переписанное из книги «Демоны и тьма», том второй…

— Во тьме скрываясь под луной, ты неожиданно встречаешь темный облик мой. Мой взор проникнет вглубь души, теперь ты мой — смотри, кричи…

Юноша четырнадцати лет, стоя перед наставником в центре зала знаний, зачитал пару предложений из другой маленькой книги «Стихи, посвященные тьме» и, не скрывая ухмылки, присел на свое место. Услышав эти строки, Го Бохай поперхнулся.

— У Чан! — возмутился он. — Книга «Демоны и тьма», а не фольклор местных горожан!

— Извините, учитель. — Хотя У Чан опустил голову, в его глазах все еще сверкали искорки лукавства. — Но те исторические повести, которые вы заставляете меня читать, точно погубят меня, если я не буду отвлекаться на что-то другое.

Уже с рассветом наставник и его воспитанник усердно изучали множество записей о бессмертных верхних и нижних миров — богах и демонах. Уединенный павильон, в котором находились лишь двое, располагался прямо у богатого сада имения клана. За узорчатыми деревянными окнами открывался трогательный вид благоухающих деревьев, а ветер доносил запахи распустившихся цветков груши и яблони. Но это все, что могло порадовать взор и сердце У Чана. Внутри и снаружи большое здание было окутано строгостью: возвели этот зал знаний по личному указу главы клана, а он не приемлет излишеств как в интерьере, так и в проявлении эмоций.

Обучение наследника продолжалось до тех пор, пока юный господин не завоет от скуки или вовсе не уснет за очередной книгой, написанной таким сложным языком, что даже Го Бохай иногда путался в мыслях, изучая ее. Страдания У Чана не заканчивались только чтением, наставник требовал изложить суть прочитанного на бумаге не менее, чем в тысяче слов, а после повторить все выученные техники владения мечом.

Держать тяжелый северный клинок и правильно им замахиваться — целое искусство, поэтому Го Бохай и сам нередко путался в тонкостях. Но пока что для юного возраста У Чана хватало и основ, которые наставник некогда сам долгое время изучал.

— У Чан, — выдохнув, заговорил Го Бохай, — не нужно отвлекаться на то, что пишут ничего не смыслящие. Столкнувшийся один раз с настоящим обликом демона человек не осмелится писать о нем в таком ключе…

Сидя напротив ученика и разгоняя рукой горячий пар, исходивший от чая, Го Бохай призадумался — вдруг ему что-то вспомнилось. Мужчина частенько проваливался в раздумья перед тем, как заинтересовать воспитанника своей мыслью. Поднося пиалу к губам, он непринужденно произнес:

— Если бы ты не терял время, выделенное на изучение трактатов и важных для твоего обучения, книг, что я подобрал, ты бы уже давно дошел до демона Душ.

— А что с ним? — с интересом облокотился на стол У Чан.

— Считается, что он на сегодняшний день самый сильный в мире демонов. Он контролирует самое большое количество душ, и, если мне не изменяет память, никто не знает, как противостоять ему.

Го Бохай не желал так рано затрагивать эту тему. Но ситуация вынуждала его пожертвовать чем-то, чтобы вернуть интерес наследника к обучению. Можно считать, что он, как и всегда, победил, ведь только услышав его слова, юноша просиял. Откинув в сторону книжку — сборник стихов, который только что зачитывал, — У Чан принялся сосредоточенно перелистывать страницы «Демонов и тьмы». Шелест старого тома отразился эхом в просторном, почти пустом зале.

Го Бохай знал практически обо всех увлечениях юного господина. Будучи ребенком, он донимал уличных котов, которые на дух не переносили его; вскарабкивался на высокие деревья и крыши, лишь бы доказать сверстникам свою смелость; повсюду прятал бумажные хлопушки для прислуги, которая косо на него смотрела, а после принялся из засады бросаться желудями в обидчиков, когда возраст позволил осознать, о чем именно те сплетничают. Теперь эта старая книга. Вот только наставнику было неясно, как она могла попасть в руки наследника. До этого У Чан проявлял интерес только к тем материалам, которые ему давал Го Бохай.

«Люди посвящают стихи демонам? Не думал, что такие дни действительно могут настать… Чем же тогда занят небесный пантеон?» — подумал Го Бохай и, измеряя шагами зал, принялся листать сборник.

Море тьмы захлестнуло дивный цветок,

Вино хорошо, но всему есть свой срок.

И спокойная вечность сквозь пальцы течет,

Но душа так и рвется меж строк…

Мягкая улыбка Го Бохая пропала, лицо скривилось от омерзения. Душа смертного поистине считалась бесценным даром. Утратив ее навсегда, любой становится бездушной куклой в руках тьмы.

«Сладкий вкус твоих губ, грязный запах любви, я…»

В комнате раздался резкий хлопок — Го Бохай яростно закрыл книгу, сжав ее в руках до побелевших костяшек пальцев. Лицо посерело от прочитанного.

«Возмутительно! — выругался он про себя. — Грязь! Как поэзия так резко сменила направление?»

От прочитанных строк обычно невозмутимый Го Бохай ощутил палящий жар, такой, как если бы сейчас находился на горячих источниках и клубы пара окутывали все его тело. Душа ухнула на самое дно, а по плечам словно забегали мелкие насекомые. Го Бохай даже не желал поразмыслить, о ком та поэма или к чему она ведет.

— Учитель меня обманул! — раздался голос из-за спины наставника. — Здесь и слова не говорится о демоне Душ.

— Разве? — Го Бохай обернулся, столкнувшись с хмурым видом на еще совсем юном лице.

Заглянув в книгу, он нарочито расстроенно заметил: — Действительно, это же второй том, а демон Душ в третьем...

— Опять лжете?!

— Нет-нет... Учитель просто староват, его память подводит...

У Чан отвернулся, скрестив руки на груди: — Этот ученик больше не верит словам учителя... — Но разве я когда-то тебя обманывал? — слегка усмехаясь, склонил голову Го Бохай так, чтобы увидеть выражение лица ученика. Юный господин, заметив теплый взгляд наставника, не смог удержаться от ответа:

— Н-нет... — а после отстранился и добавил: — Но ведь вы говорите, что вы старый, и это уже звучит как обман.

— Тогда больше не буду так говорить. И обещаю, что завтра мы возьмемся изучать третий том.

Стирая недавно прочитанный стих из памяти, Го Бохай погладил наследника по серебряным волосам. Рука прошла от макушки до небрежного пучка, переходившего в длинный хвост, и, опустившись к шее, слегка ущипнула за ухом.

— Ха-ха-ха, — залился смехом У Чан. — Хорошо, хорошо, только перестаньте!

Так уж сложилось, что под любым предлогом Го Бохай старался рассмешить ученика. Ни одна вещь в этом мире не могла сравниться со звонким, заразительным смехом У Чана, что растекался и проникал вглубь души наставника.

Наследник покатился по полу в попытках увернуться от тонких щекочущих пальцев. Влево, вправо — он переваливался из стороны в сторону, но словно умышленно подставлял свои бока, заливаясь большим смехом и слезами от приятных пыток.

— У Чан!—раздался грозный голос за стенами зала знаний.

Госпожа У прошлась неподалеку, поднимая на уши всех. В комнату, нарушив царившую идиллию, ворвалась одна из служанок и попыталась объясниться. Запинаясь, она кланялась и вновь повторяла одну и ту же фразу хрипловатым голосом:

— М-молодой господин, госпожа ищет вас...

Го Бохай перевел взгляд на воспитанника. Предположение, что тот мог вновь подшутить над кем-то, кто ему не понравился, было самым логичным и простым. Го Бохай обратился к У Чану:

— Случилось что-то, о чем я не знаю? Помнится, ты обещал...

— Обещал. Если бы что-то было, сразу сказал бы вам, вы же знаете!

Фигура в дверях сотряслась от ужаса и прижала руки к груди, услышав голос госпожи:

— Быстро его ко мне! — Прошу, господин... — прошептала служанка. У Чан решительно поднялся на ноги и, одарив наставника

уважительным поклоном, выбежал из зала знаний. Госпожа У редко поднимала такой шум, зачастую только из-за выходок сына, и Го Бохай об этом знал... Весь тот неприятный разговор, предстоящий наследнику, коснется и его, — оставалось только ожидать приглашения. Чтобы

хоть как-то избавиться от тяжелых мыслей, он принялся убирать книги, разбросанные У Чаном вокруг столика, но тут за его спиной раздался неуверенный голос:

— Господин, извините эту служанку… Но госпожа требовала привести и вас тоже…

http://tl.rulate.ru/book/68131/1809320